

Александр Щёголев

Раб

«Щеголев Александр Геннадьевич»

Щёголев А. Г.

Раб / А. Г. Щёголев — «Щёголев Александр Геннадьевич»,

Этот мир странен и необычен. Космос – но без планет и вакуума. Люди, которые обитают здесь, знают об этом пространстве многое – но Полная Карта потеряна и многие Проходы из одной части мира в другую забыты... И лишь Свободный Охотник каким-то чудом находит их, раз за разом уходя от преследования тех, кого он так легко делает своими врагами... Концентрированный технотронный антураж сочетается в этом романе с романтикой рыцарской сказки, не скованный никакими рамками полет воображения – с холодной рациональностью созданного автором мира. «Свободный Охотник» петербуржца Александра Щёголева дает повод говорить о появлении нового направления в отечественной фантастике. Сам автор называет это направление «кибер-фэнтези». Кибер-фэнтези – это магия современных информационных технологий, это новое слово в российской фантастике! В книгу вошли также повести «Раб» и «Двое на дороге» – лучшие достижения автора в области психологической фантастики.

© Щёголев А. Г.

© Щёголев Александр Геннадьевич

Содержание

Мир,	5
Келья,	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Щеголев

Раб

(Предостережение)

Мир,

этим словом он назвал то, от чего отказался навеки.

Мир встретил его ослепительным светом. Свет ворвался в распахнутые зрачки, мгновенно сломив нетерпеливое желание увидеть. Беглец оперся о стену, полуослепший, постоял так, привыкая, осторожно разжал стиснутые веки. Лестница... Он оглянулся. С нежностью прочитал наклейку на черном дерматине: «Келья отшельника». Затем привычно вскинул рюкзачок на плечи и резво побежал вниз по ступенькам, соображая по пути, как отсюда добраться до дома. И только преодолев один лестничный пролет, остановился.

Он замер, утратив чувство реальности. Дверь, позволившая давным-давно войти в Келью, располагалась на площадке первого этажа! Или воспоминания лгали? Что-то жутко знакомое чудилось в этих ступенях, в этих обшарпанных подоконниках, в дворике, наконец, видневшемся сквозь окна! Человек перегнулся через перила и внимательно посмотрел вниз. Этаж, второй, третий... Все точно. Это его лестница. Лестница его дома. А площадка, с которой он только что спустился... Там находится его квартира! Вот это да! Прямо напротив выхода из Кельи!

На слабеющих ногах беглец поднялся обратно.

В том месте, где пару минут назад он выскользнул из плена, теперь была глухая, не знавшая ремонта стена старого дома. Ни малейших следов двери. Правильно: здесь и не могло быть никаких дверей, потому что за стеной этой шумела улица. Бывший узник подошел, ощущая робость. Нет – благоговение. Погладил рукой шершавую поверхность, прошептал: «Спасибо...», прижавшись щекой к серой штукатурке. Потом повернулся на 180 градусов и посмотрел на дверь собственной квартиры. Что за ней?

Сейчас было лето – судя по пейзажу за окном лестничной клетки. Но какое именно лето? То самое, в которое он обрел Келью, или же какое-то другое? Сколько прошло времени – дней, лет, веков? Боязно... Впрочем, пути назад не было. Он добровольно покинул убежище, поняв свое предназначение, и пусть сомнения останутся по ту сторону сомкнувшихся стен!

Человек нашел в кармане связку ключей.

Квартиру ему устроили родители. Конечно, любопытно было бы узнать, каким образом, но факт этот столь зауряден, что тратить буквы жалко. Он никогда не интересовался подробностями – просто принял подарок, поднесенный ему в честь получения аттестата зрелости, и начал строить жизненный путь самостоятельно. Квартира была однокомнатной, без телефона, на последнем этаже, но зато он жил в ней один.

«Мама...», – подумал человек, и слабый укол стыда стал ему наградой. Ни разу в Келье он не вспомнил о ней. Ни разу... Надо будет позвонить, да-да, обязательно.

Он просунул ключ в замочную скважину. Замок сработал.

* * *

– Ты кто? – спросила девица.

– Как... – он даже растерялся. – Я?.. Это моя квартира.

Из комнаты высунулась вторая девушка. На обеих были короткие халаты. Нежно-розовый и нежно-голубой.

– Кто там пришел?

– Говорит, что здесь живет.

– Прекрасно! – вторая девушка хохотнула. – Мы тоже здесь живем.

Наступило молчание. Первая вдруг сообразила:

– Слушай, ты Холеный, наверное?

Беглец вздрогнул. Он вечность не слышал этого слова. Забыл о его существовании.

– Похоже, да, – он криво усмехнулся.

Такое человек носил имя. Второе, разумеется – то, с которым был признан в лучших домах, с которым был принят в обществе. Настоящее, увы, погибло в огне. Он вспомнил, откликнулся! Значит, каждый теперь вправе называть его именно так.

– Ну, даешь! Какого же ты молчишь-то? Сразу не мог сказать?

– Я вас не знаю, – хмуро произнес Холеный.

– А мы тебя хорошо знаем! – снова хохотнула вторая девушка. – Люмп много о тебе порасказывал.

И первая не удержалась, хмыкнула:

– Чего нас знать, мальчик? Я Надя, а это Верка. Долго ли умеючи?

«Мальчик» вмиг оживился. Спросил, пораженный:

– Люмп? Так это Люмп вас сюда притащил?

– У-у, какой догадливый.

– Как он? Давно его не видел.

– Соскучился? Понимаем, твой Люмп красавчик.

– Кончайте балаган, девочки, – сказал Холеный жестко: неожиданно для самого себя он вспомнил нужный тон. – Я его ищу. По делу.

– Кончать мы любим!

– Ах, кончаем, кончаем! Ты ведь нам поможешь?

– А! А! А!

– Еще! Еще! Еще!

Дурачились, стервы.

– Где Люмп, идиотки?! – закричал хозяин квартиры.

Госты захлопнули пасти. Странно переглянулись.

– Хорошо ищешь. Про самочувствие его не знаем, но показать можем.

Человек возбудился:

– Он тут, что ли?

– Хочешь поглазеть? Иди, иди, полюбуйся. Мальчик...

Девочки дуэтом засмеялись. Гадкий был смех, неестественный.

Вошли в комнату. Царил неописуемый бардак! Пол устилали матрацы – сплошным ковром. Валялись бутылки, пустые и неначатые, пачки сигарет, белье и прочая одежда, диски, стаканы, журнальчики, огрызки, фантики – все сразу не охватить. Очевидно, здесь было весело. А мебель... Впрочем, это неважно.

Друг лежал на полу возле стены – то есть на матраце, конечно, – свернувшийся калачиком, накрытый простыней, такой маленький, беззащитный. И почему-то с открытыми глазами.

Холеный испугался. Шепотом спросил:

– Что с ним?

– Поехал, – громко сообщила Надя. Или Вера? Вторая девочка пояснила:

– Вон его машина.

На подоконнике лежал шприц.

– Чем он?

– Хрен его знает. Какую-то редкую стекляшку достал вчера, ну и попробовал. Мальчик бессильно опустился – там же, где стоял.

– Давно начал?

– Ха!.. Он пока не начал, он пока пробует. Между прочим, третий раз уже. Говорит, кайф! Девочки тоже присели. Они очень мило преподносили себя – со смешками, с ужимками, с перемигиваниями.

– Твой Люмп, кстати, недавно провалился в свой поганый институт.

– Елки-палки... – сказал Холеный. – Опять поступал?

Глупый был вопрос. Острота шелкнула в момент:

– По его взгляду разве не видно?

Окончив школу, Люмп регулярно – каждое лето – подавал документы на постановочный факультет театрального института. Метр люмпен-культуры, он все же хотел от жизни чего-то большего. Экзамены проваливал с неизбежностью утренних похмелей.

Холеный подполз к другу и долго тряс его за плечи. Затем, стиснув зубы, произвел несколько лечебных пощечин. Рука месила потный, противный кусок человеческой плоти. Ничего больше.

– Брось! – посочувствовали сзади. – К вечеру сам очухается.

Он послушался, оставил в покое скрюченную под простыней куклу. Спокойно, говорил он себе. Так и должно быть.

– Холеный! – позвала его девочка в розовом. – Ты где пропадал целый год?

Он резко встал.

Сел, сопровождаемый недоуменными взглядами.

Сказал невпопад:

– Год! Целый год... Ровно год...

– Ты что, чокнутый? Где хипповал?

– Пошли со мной, – предложил вдруг Холеный. – Узнаете, увидите.

Серьезно предложил, с томящей душу надеждой.

– Спасибо, – фыркнула... Вера, кажется... – У тебя дома лучше.

– Люмп нас уверял, будто тебя прикончили, – это была уже Надя, соответственно. – Будто ты поцапался не с той бабой, с которой можно. С какой-то дико крутой девочкой из крутой компании. И тебя в тот же вечер отловили. Люмп слышал, как она своим кобелям команду давала, чтобы тебя догнали и проводили домой. У нее там собачья свадьба, одна сука на дюжину кобелей. Люмп, понятно, врал?

Холеный не ответил. Вспоминал. Содрогался. Благодарил Келью.

– Ну и видок у тебя! – продолжило разговор существо в розовом халате. – Запустил ты себя, лапушка. Хиппи, кстати, давно не в моде, слышал? От тебя воняет, как от старика. Не обижайся, я люблю.

Подруга Вера поддержала тему:

– А ты вроде ничего парнишка. Широ-о-кий. Ежели отмыть, сгодишься.

– Когда в последний раз мылся? – спросила Надя напрямик.

– Год назад.

Зря он признался. Он не подозревал о последствиях. Только подумал машинально: «О да, я грязен!»

– Фига себе... – тихо сказала Вера.

Подружки переглянулись. И, не выдержав, бешено заржали, вспахав носами матрацы. Потом Надя миролюбиво предложила:

– Давай мы тебя помоем.

– Спинку потрем, – пообещала Вера.

– Не хочу, – Холеный улыбнулся.

В комнате неожиданно стало очень тесно. Нос наполнился запахом чего-то женского – духов? дезодоранта? шампуня? – в уши ударил с двух сторон шепот: «Мальчик наш... Сейчас... Погладим, приласкаем...»

– Вы чего? – оторопело спросил мальчик.

Он был совершенно не готов бороться. Да и какая там борьба! После недолгой и во многом приятной возни его вытащили из комнаты в прихожую, затем в коридорчик; он сопротивлялся – да, да! – но руки утратили былую уверенность в делах с женщинами, а глаза – о, грязный, сумасшедший мир! – глаза привычно искали то, чего от него и не думали скрывать. Было прекрасно видно: под халатами у девочек ничего нет. Кроме изумительного загара, конечно.

– Будешь нашим господином? – веселась, крикнула...

Кто?! Кто это крикнул?!

– Только сначала отмоем!

– А потом уж – мы твои рабыни!

Девочки развлекались, не стесняясь, от души. Они впихнули мальчика в ванную, навалились на дверь, тот и опомниться не успел, как снаружи стрельнула задвижка. Его заперли.

Он посмотрел вокруг. Белый кафель, стенной шкафчик, раковина, душ. Забытое, давно ставшее ненужным помещение...

– Нельзя же! – растерянно пробормотал он. – Нельзя мне...

Забава кончилась. Одна из девочек сказала:

– Освежись, лапушка.

– Подмойся, – засмеялась вторая.

И пошли, не спеша, прочь. Ясно разносились их озабоченные реплики:

– Что будем делать?

– Голяк явится, пусть сам выкручивается.

– Может это совсем и не Холёный? Какой-то он...

– Да хрен с ним.

Мальчик сел на край ванны. А ему что делать? Стучать, рваться, ломать запоры?

Боже... И это его дом?

Келья,

с этого заголовка я решил начать.

Я взялся за перо. Трепет охватывает при мысли о том, что моя рука прикасается... О-о, счастье! Я имею полное право писать Здесь. Нужно продолжать начатое кем-то дело, потому что чистых страниц в моей Книге очень много. И еще – сейчас скажу главное – я должен писать, потому что я господин. Отныне и вовеки веков. Тем, кто оскорбит меня непониманием, объясню: я не властен над кем-либо, я господин над собой. А был рабом жалким, ничтожным. Впрочем, подробные объяснения ниже.

Я никогда в жизни ничего не писал, кроме троечных сочинений в школе и заявлений по разным поводам. Я ничего не читал, кроме парочки положенных по школьной программе шедевров и детективов, которые продавал на рынке. Поэтому я не умею составлять жизнеописания: не знаю, как это делали другие, и вообще, как это положено делать. Может быть, строго хронологически? Или отдаваясь хаосу мыслей, возникающих независимо от намеченного плана изложения? Впрочем, в любом случае я постараюсь, чтобы было просто и понятно.

Келья ворвалась в мое сумасшествие совершенно неожиданно. И крайне жестоко – так я полагал долгое время. Мое сумасшествие длилось двадцать пять лет, и за этот невообразимый срок я успел сделать кучу бесполезностей. Писал сочинения, изучал детективы, сдавал лабораторные работы, засыпал перед мерцающим экраном, просыпался в чужих постелях, шкафами копил диски, по утрам искал пиво, один раз родился, отмечал дни рождения, думал, что живу – и так далее, и тому подобное. Хотя, стоп! – я даю волю оставшейся во мне злобе, о простит меня святая белизна Твоих страниц... Пусть будет коротко: я закончил школу, я бросил институт, я работал сутки через трое, я истратил колоды грязных бумажек на собственные потребности и на потребности своих падших подружек. И пусть будет понятно: я ни в коем случае не жалею о прошедшей бесполезно четверти века и о воспоминаниях, что существуют независимо от меня. И то, и другое было необходимо для излечения. По-настоящему я родился совсем недавно – в тот день, когда впервые стал счастлив. Но об этом после.

Келья...

Собственно, все началось с вечера встречи. Знаете, когда приходишь под вечер к близким друзьям в гости – в сумке привычно звякает – а там уже полный сбор, знакомые и незнакомые, очень шумно, весело, и ты освобождаешь сумку, садишься за стол, или на ковер, или кому-то на колени – у кого как принято – и тебе становится не менее весело, чем остальным. Ты принимаешь эликсир внутрь, становишься еще веселей, а потом выбираешь подружку, либо давно и хорошо изученную, либо новенькую, неизведанную – в зависимости от вкусов и смелости – и начинаются бесконечные разговоры, которые всегда одинаковы, шутки, которые утром никого бы не рассмешили, сигаретный дым, гогот, поцелуи, ритм, стихийное разбредание по имеющимся в наличии помещениям, и, наконец, гасится свет – или не гасится, если компания настолько развеселилась, что подружки этого уже не требуют – во всяком случае, вечера встречи завершаются неизменно бурно. Тот вечер встречи ничем не отличался от сотен таких же вечеров, ранее имевших место в моей биографии. За исключением разве факта, что в гости я пришел к совершенно незнакомому человеку, к другу подружки моего падшего друга – все понятно? – и был принят там, обласкан, напоен, как свой. Не хочется вспоминать детали...

Случилось, правда одно событие, а если точнее – приключенье, изрядно подпортившее тогдашнее мое настроение. Была там девочка, которую я раньше заметил на подобных же мероприятиях, и решил я... о, прости! прости! прости!.. подклеиться к ней... не знаю Твоих слов!... Тем более – в одиночестве она сидела, почему-то без своего постоянного мужчины, ну и подсел я, хвост распустил, весь вечер слюни фонтаном пускал, подпоил ее – как положено – впрочем, она и сама без удержу наливалась соком. Если девочка вызревает, следует брать ее

беспощадно. Ритуал проверен веками. Она принимала игру, явно соглашаясь перевести разговор в более тесные рамки, но когда я уверенно свернул на вечно модную видеотеку, признавшись, что дома у меня имеется топовый аппарат, в рюкзачке как раз припасены диски с нужными фильмами, и вполне реально немедленно отправиться – засмотреть материал, – новая подружка неожиданно взбесилась. Сказала что-то вроде: «Мне бы мужика, а не видеомальчика.» Я ей ответил – соответственно... Не желаю вспоминать детали! Больные страсти сумасшедших лет, оставьте... Короче, закончилось тем, что я вlepил по раскрашенным щечкам. Да! Да! Ударил. Женщину. По лицу. И ушел, решив затащить к себе домой любую повстречавшуюся девушку: в голове-то горит, внутри-то сладко булькает – то ли желание, то ли принятая доза. И вообще, очень вредно изучать в одиночестве такие клёвые диски, если ты весь вечер накачивал себя предвкушением ночи.

Падший друг пытался меня успокоить и вернуть в компанию, но я его послал, естественно.

Было ровно двенадцать. Ноль часов, ноль минут – я специально посмотрел. Связано ли это с тем, что на лестничной площадке я заметил смешную дверь? Не знаю. Она была врезана в крайне неудобном месте, в нише с мусорным бачком, и я подумал: какой же нелепой должна быть планировка скрывавшейся за дверью квартиры! На дерматиновой обивке ясно виднелась приклеенная надпись: «Келья отшельника», сделанная не слишком аккуратно из газетных заголовков – «Келья» из одного заголовка, «отшельника» из другого. Еще я подумал, что здесь живет, очевидно, какой-то очередной пижон, вроде моего падшего друга, который свою квартиру вообще залепил газетными вырезками сверху донизу.

Дверь была приоткрыта! А я находился в том опасном ирреальном состоянии, когда всюду чудится разгул веселья, когда не понимаешь, как может быть иначе. Повинуясь безумному импульсу, возжелав продолжить вечер, почти уверенный в хорошем развлечении, я шагнул в чужую квартиру.

Так я впервые вошел сюда.

Братья мои, это было неслыханным везением! Случайно ли, неслучайно ли Келья открылась именно предо мной, не дано мне уразуметь, а только я с содроганием теперь понимаю, что этого могло и не произойти. Но! – свершилось. Раб ударил женщину, после чего оказался в каменном плену. Раб...

Признаюсь, первым произнесенным мной словом стало ругательство. Так я выразил удивление. В самом деле – мрачные каменные стены, горящая в полутьме свеча, единственное оконце под потолком, вся обстановка этого странного помещения вызвали в моей голове стресс. Я стоял и озирался. Мысли о пьянке остались на лестнице. Просыпалось любопытство. За порогом, который я переступил так решительно, не оказалось квартиры – только одна комната, больше похожая на камеру в подzemелье. Кто живет здесь? Куда ушли хозяева? Было пусто, тихо, спокойно – опасаться нечего.

Меня заинтересовал вход, завешенный грубой холщовой тряпкой. Сделав несколько шагов, приподнял занавеску – в темной нише виднелся вполне современный унитаз. Уборная. Я издал смешок. И вдруг обнаружил, что мне уже не интересно. Что я устал, что мне хочется домой – посмотреть кино, подцепить случайную юбочку, позвонить какой-нибудь заскучавшей подружке, снять мотор, поехать прямо под теплое одеяло – вариантов полный бумажник! Но хотеть что-либо было поздно.

С тупым недоумением я оглядывался по сторонам и видел в призрачном свете только свою колеблющуюся тень. Выход пропал. Двери не было. Самое дикое, что я даже не помнил, в какой из стен она была, эта дверь. Тогда я струсил. А знал бы, что останусь здесь навеки, наверное, просто спятил бы от страха.

Таким приняла меня Келья. Грязным, низким, мерзким.

* * *

Пишущий эти строки, помнишь ли ты, для кого пишешь?

Для себя.

Правильно: все остальные ответы – ложь. А достоин ли ты своих строк, пишущий?

Нет.

Правильно: ты достоин только жизни бренной. Зачем же оскверняешь ты святую бумагу?

Чтобы увидеть, как я грязен.

Да, пишущий, ты грязен, но для чего тебе нужно видеть это?

Чтобы стать чище.

Ты веришь в то, что можешь стать чище?

Нет, не верю.

Почему?

Потому что я грязен, низок, мерзок.

Правильно, пишущий! Повтори еще раз.

Я грязен, низок, мерзок.

Чему же тогда ты веришь?

Я верю коленям. Я верю губам. Я верю Книге. Я верю. Верю. Верю.

Рассказывай дальше, пишущий.

* * *

Первую ночь я провел сравнительно спокойно. Пьяный хаос, воцарившийся в голове, как ни странно, дал возможность заснуть. Если бы я мог соображать, если бы до конца осознавал происшедшее, то не смог бы отключиться ни на мгновение. Утро встретил больным и растерянным. Сон на деревянной кровати, наполненный к тому же бредовыми видениями, явился не лучшим отдыхом для израненного благами цивилизации организма. Впрочем, именовать мое ложе кроватью было бы неправильно. Широкая скамья, покрытая подобием матраца (холщовый мешок, набитый сеном), без подушки, без одеяла – вот оно, неласковое ложе мое, стоит в углу по левую руку от стола, готовится принять полагающуюся ему ношу. Собственно, и наступление утра так же было чистой условностью. Скучный свет, проникающий сквозь высокое оконце, не мог справиться с вечным полумраком Кельи.

К счастью, похмелье оказалось не слишком тягостным: принятая вечером доза была слабовата. Период жестоких похмелий наступил позже. Поэтому я имел возможность соображать, но – разумеется! – ничегошеньки не понимал. Я обошел эту комнату без дверей, задержавшись сколько требуется в нише с унитазом, попытался заглянуть в оконце, посидел за дощатым столом, собираясь с мыслями. Свеча стояла на столе, она продолжала гореть, ничуть не уменьшившись за ночь. Здесь же лежал старинный фолиант, на котором сияла золотом надпись: «ПРАВИЛА». Я полистал его равнодушно, подумав только, что он, наверное, жутко дорогой. На первой странице была всего одна фраза: «*Познавший грязь однажды – раб ее вечный*», на других страницах также помещались какие-то фразы, которые я не стал читать, потому что в то немыслимое утро мне было совсем не до старинных фолиантов.

Не знал. Не знал, что это – Книга...

Я занялся содержимым своего рюкзачка, решив, что не существует дела важнее. С чувством горького сожаления достал один из дисков, который так и не успел вчера посмотреть. Фильм назывался «Безумное животное», две серии – о похождениях одной смазливой особы. Кроме того, я извлек бутылку водки, чудом уцелевшую после вечера встречи, термос с чаем и

полиэтиленовый мешок с едой, которые я всегда брал с собой, когда надолго уходил из дома, ну и множество других чисто мужских мелочей. Обшарил карманы. Там были в основном деньги: бумажные и металлические, мелкие и крупные, в бумажнике и просто так. Новехонькие и засаленные, свои и чужие, на любой вкус, для любой жизненной ситуации – кроме моей нынешней. Достал паспорт, покрутил его, посмотрелся в фотографию – вместо зеркала. Вытащил импортную шариковую ручку. Сигарет у меня не было, как ни странно, я не курил, так уж сложилось... Короче, при мне оказалась куча бесполезнейших вещей. Впрочем, несправедлив я, это относится не ко всем из них. С жадностью я вскрыл бутылку водки и сделал несколько лечебных глотков. Лучшего лекарства трудно было бы пожелать. Потом посмотрел на термос и пакет с едой, но меня как-то скверно мутило, процесс принятия пищи казался несуразностью, и я решил отложить трапезу.

Гораздо важнее было поискать выход. Не бывает в нормальных домах комнат без дверей! Тем более, я же сумел каким-то образом сюда войти? Перед глазами стояла картина: обшитая дерматином дверь, на которую наклеен газетный заголовок «Келья отшельника». И я тщательно изучил, ощупал стены этой комнаты, изнемогая от нетерпения отыскать подвох, – шутка, на мой взгляд, затянулась. Но холодный камень быстро излечил от горячечного энтузиазма. Кругом был сплошной монолит, словно в пещере. Я не обнаружил ни единого стыка. Тогда я взобрался на стол, опасаясь, как бы он не рухнул, и выглянул в окошко под потолком. Увидел только чистейшее голубое небо. Вот этого уж никак быть не могло: квартира находилась на первом этаже, вокруг в изобилии стояли другие здания, деревья, трубы, всякие иные неотъемлемые детали городского пейзажа, а тут не было видно даже линии горизонта. Долго я смотрел, ожидая неизвестно чего, потом у меня возникло крайне неприятное впечатление, будто я смотрю снизу вверх, будто это не окошко вовсе, а люк. И я поспешно слез.

Странности меня добились – я откупорил термос, зашелестел пакетом, принялся бездумно поглощать запас съестного. В пакете были бутерброды с сыром и два вареных яйца.

Так начался мой первый день.

Главным его итогом стало ощущение полной нереальности создавшейся ситуации. Это ощущение было очень важным. Именно из него родилась позднее мысль о полной нереальности моего существования до Кельи – мысль о моем сумасшествии. А затем и понимание единственной абсолютной реальности – Кельи, Книги, Покоя...

Тому, кто прочтет: брат мой неведомый, обратись к предыдущим страницам, обратись к собственным воспоминаниям дней прихода в Келью, и ты поймешь...

Вообще, мне нравится воскрешать в памяти первый день. Нравится вновь переживать ту растерянность, тот унижительный страх, что обрушились на меня поначалу. Это хорошие чувства, целебные, истинные. Хотя, возможно, я преувеличиваю, и в первый день страха еще не было, а был просто нормальный житейский испуг. Я пытался о чем-то думать, сейчас уже не помню о чем, наверное, о том, что подборка фильмов получена всего на неделю, и как раз сегодня ее необходимо вернуть. Я ходил вдоль стен, залезал на стол и смотрел в окно, я невыносимо проголодался к вечеру. Я не спал почти всю ночь. Я ждал.

А вот утром следующего дня пришло время настоящей паники. Особенно после того, как я снова достал пакет из-под бутербродов, туго соображая от голода, и обнаружил, что он отнюдь не пуст. В нем находилась куча снеди: бутерброды с ветчиной, кусок вареного языка, помидоры, хлеб, осетрина, на сладкое бисквит и халва – в общем, было там только то, что я обожаю. Даже фрукты – два апельсина. И термос оказался заполнен изумительным чаем, причем, чай почему-то не сдох, сохранил надлежащий аромат. Сожрал я этот набор мгновенно. И понял вдруг, насколько серьезно влип.

С этого момента начался второй период моего пребывания в Келье – период поисков выхода. Мне удалось изобрести всего лишь три способа освобождения. Первый – попробовать продолбить стену. Второй – вылезти через оконце. Третий – позвать на помощь, опять

же используя оконце. Первый вариант недолго занимал мой рассудок: хоть и знал я, что от спасения меня отделяет всего-навсего стена старого дома, обделанная зачем-то камнем, вести такого рода работы здесь было решительно нечем. Разве что лбом биться. Второй и третий варианты отняли значительно больше времени. Не медля ни секунды, я положил на пол старинный фолиант и свечу, и установил табурет на стол. (Свеча все еще горела, что удивляло меня, но не больше, чем еда в пакете, чем исчезнувшая дверь, чем уборная в тесной каменной нише.) Затем взгромоздился на шаткое сооружение. Голова в дырку не пролезала, точнее, не пролезали уши, и это глупое затруднение бесило меня весь второй день. Я кричал, звал кого-нибудь, приводя в действие третий вариант, но никто не отзывался. Самым мучительным было сознавать, что квартира находится на первом этаже. А видел я в окошко лишь ясное голубое небо, ничего больше, только небо, как ни заглядывал в него, как ни протискивал голову.

Разумеется, я не сразу оставил попытки дать знать о себе, я продолжал это жалкое действо поразительно долго. Человек упрям! Человек – самое упрямое из животных. Безумцы упрямы вдвойне... Стыдно мне, братья. Стыдно, как и вам... Каждый день я писал одну и ту же записку, вырывал листик из записной книжки и выбрасывал наружу. Куда они падали, не знаю и ныне. Я самозабвенно вопил, только тем и занимая себя – я вопил так, что в глазах темнело, орал до судорог в горле. Голос мой потом долго метался по комнате, превращаясь в одуряющий гул, и после сеансов этих меня терзала лютая головная боль. Я едва не устроил пожар, желая хоть как-то привлечь к себе внимание, но пламени зажигалки вполне хватило, чтобы одуматься. И конечно – тысячу раз конечно! – все было напрасно.

Между тем, Келья снабжала меня изысканнейшими яствами, которые я находил каждое утро в собственном полиэтиленовом пакете, прекрасным чаем в термосе, обеспечивала минимум санитарных потребностей, горела вечная свеча, было не так уж холодно и удивительно, неправдоподобно тихо. Но дни проходили друг на друга, как мелкие деньги в монетнице, и надежда обрести свободу постепенно растворялась в застывшем воздухе.

Наступил период отчаяния.

Я плохо помню этот период, впрочем, бесконечно тому рад. Причина проста. Однажды я допил бутылку водки. Наутро она была полна. Я вновь выпил, мне стало полегче, а утром опять обнаружил ее готовой к употреблению. Короче говоря, у меня начался запой. Бутылка была большой – 0,75 литра, и моему развращенному алкоголем организму ее вполне хватало. Я пил натошак, и бутылка милосердно наполнялась всего за несколько часов моего сна, я пил так, как не пил еще никогда в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.